

Струженцов М. К вопросу о православно-христианском понимании существа брака: (Ответ о. иеромонаху Михаилу [(Семенову) по поводу его ст.: Психология таинств: Этюды. Этюд 1-й: О браке / Миссионерское Обозрение, ноябрь] // Богословский вестник 1902. Т. 3. № 12. С. 636—647 (3-я пагин.).

КЪ ВОПРОСУ О ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОМЪ ПОНИМАНИИ СУЩЕСТВА БРАКА.

Отвѣтъ о. іеромонаху Михаилу (Миссионер. Обзор, ноябрь—Психологія таинствъ. Этюды. Этюдъ 1-й о бракѣ“).

Извѣстное читателямъ „Богословскаго Вѣстника“ наше публичное чтеніе о бракѣ (Б. В., июль—августъ) вызвало противъ себя весьма рѣзкую, чтобы не сказать болѣе, замѣтку со стороны о. іеромонаха Михаила въ ноябрьской книжкѣ „Миссионер. Обзорѣнія“. Авторъ „этудовъ“ (?) о таинствахъ приписываетъ намъ здѣсь слѣдующія мысли: 1) будто бы мы близки къ тому, чтобы спорить противъ неприкосновенности жены въ періодъ беременности и кормленія; 2) будто бы мы обусловливаемъ святость брака только возможно строгимъ воздержаніемъ; 3) будто бы утверждаемъ, что общеніе свято, когда оно вызывается физической необходимостію, что, по толкованію нашего оппонента, равнозначуще съ выраженіемъ, „когда есть аппетитъ“. Отъ всѣхъ этихъ, навязываемыхъ намъ, мыслей, двѣ изъ которыхъ прямо циничны, о. іеромонаху дѣлается „страшно за церковное сознаніе“... Поучительно и съ важнымъ видомъ, какъ что-то новое, онъ изрекаетъ потомъ неоднократно высказанную и нами мысль (лишь въ иныхъ словахъ),—что „единеніе и въ бракѣ съ церковной точки зрѣнія *можетъ быть грѣховно*“, и что „церковное освященіе *не есть безусловное ручательство безгрѣшности брачнаго сожитія*“ (М. О., стр. 561—562).

Послѣ такого предисловія нашъ оппонентъ приступаетъ къ изложенію своего взгляда на бракъ (стр. 562 и дал.).

Здѣсь, повторяя весьма многое изъ того, что сказано и раскрыто нами, онъ договаривается до такихъ утверждений, отъ которыхъ, дѣйствительно, дѣлается страшно... но не за церковное сознаніе (ибо—что ему до „этюдъ“ о. Михаила?), а за самого молодого инока,—куда могутъ завести его самоувѣренность и развязность въ сужденіяхъ по богословскимъ вопросамъ... О. іеромонахъ Михаилъ говоритъ здѣсь такъ, какъ будто бы онъ одинъ овладѣлъ всей полнотой богословскаго вѣдѣнія, такъ что на долю другихъ уже ничего не осталось, какъ будто бы церковное сознаніе всецѣло воплотилось въ немъ однимъ...

Остановимся сначала на обвиненіяхъ, предъявляемыхъ къ намъ о. Михаиломъ, а потомъ сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о его собственныхъ взглядахъ на брачное сожитіе.

I. Вышеупомянутое нападеніе на насъ о. іеромонаха Михаила удивляетъ прежде всего тѣмъ, что оно ровно ничѣмъ не вызывалось въ его статьѣ. Въ послѣдней разбирается собственно лжеученіе о бракѣ гр. Л. Толстого, о нашемъ же чтеніи упоминается лишь вскользь и мимоходомъ, въ общихъ и голословныхъ выраженіяхъ, безъ какихъ либо опредѣленныхъ ссылокъ, въ подтвержденіе навязываемыхъ намъ мыслей, на тѣ или другія мѣста нашей статьи. Если нашъ оппонентъ не имѣлъ въ виду разбирать послѣдней, то не лучше ли было бы вовсе и не касаться ея?

Еще болѣе удивляетъ *рѣзкость* этихъ лишнихъ и голословныхъ сужденій. Едва ли о. Михаилъ могъ не знать, что публичныя богословскія чтенія ведутся въ Москвѣ особымъ Отдѣломъ „Общества любит. дух. просвѣщенія“, во главѣ котораго стоятъ достаточно компетентныя лица,—чтобы приглашаемые ими лекторы не могли раскрывать предъ нашимъ свѣтскимъ обществомъ мыслей опасныхъ для церковнаго сознанія...

Къ болѣе осторожнымъ и обдуманнымъ выраженіямъ должно было бы, повидимому, располагать о. іеромонаха и то обстоятельство, что наше чтеніе напечатано въ журналѣ, издаваемомъ при Московской духовной академіи. Съ этой точки зрѣнія, обвиненія въ циническихъ мысляхъ и грубомъ неправомысліи касаются уже не личности только автора статьи, но затрогиваютъ честь такого учрежденія, къ которому лицу, получившему академическое образованіе,

изъ простаго приличія, слѣдовало бы относиться поуважительноѣ.

И если бы еще въ его словахъ было хотя сколько нибудь правды... Но предоставимъ судить объ этомъ самому читателю. Разберемъ обвиненія по пунктамъ.

1) Наши взгляды на плотское сожитіе супруговъ о. Михаилъ приравниваетъ къ взглядамъ богослова „спорящаго противъ... полной неприкосновенности жены въ періодъ беременности и кормленія“.—Большой грѣхъ беретъ онъ здѣсь на свою совѣсть. Мы воздержимся отъ названія, какого заслуживало бы это обвиненіе. Въмѣсто этого попросимъ нашего оппонента,—пусть онъ укажетъ, *гдѣ именно* въ своей статьѣ мы говоримъ это. Въ послѣдней мы не только не отрицаемъ „неприкосновенности жены въ періодъ беременности и кормленія“, но даже *прямо утверждаемъ* ее. Сказавъ, что христіанство принципиально допускаетъ плотскія отношенія супруговъ, и указавъ, какимъ эти отношенія подчиняются здѣсь неизбѣжнымъ ограниченіямъ, вытекающимъ изъ главенства въ бракѣ его духовно-нравственныхъ цѣлей, мы потомъ переходимъ къ плоду такихъ отношеній,—рожденію дѣтей, и продолжаемъ: „въ этомъ обстоятельствѣ (дѣторожденіи, по благословенію Божію), наряду съ оправдаемъ такихъ отношеній (т. е. плотскихъ), заключается опять и *ограниченіе ихъ. Плотскія отношенія супруговъ должны строго согласоваться и съ этой стороны значенія ихъ, т. е. могутъ быть допускаемы съ христіанской точки зрѣнія лишь постольку, поскольку не идутъ во вредъ нарождающемуся потомству. Требования религіозной морали совпадаютъ здѣсь съ извѣстными всѣмъ требованіями гигиены, и потому ихъ можно считать понятными и безъ разьясненій*“ (Б. В., стр. 422—423). Для кого не ясно, что здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстномъ всѣмъ вредѣ для ребенка и, слѣдовательно, недопустимости плотскихъ сношеній съ беременной или кормящей женщиной? Но выражаться такъ прямо, какъ сейчасъ въ этихъ послѣднихъ словахъ, мы считали невозможнымъ въ публичномъ чтеніи, предъ смѣшаннымъ по составу обществомъ. Въ числѣ нашихъ слушателей были и высокочтимые архипастыри, и болѣе молодые, но скромные иноки, и стыдливыя дѣвушки, и подростки изъ среды учащейся молодежи того и другого пола. Вынужденные въ предложенной намъ (Отдѣломъ по

устройству чтеній) темъ касаться плотскихъ отношеній мужа и жены, мы не считали возможнымъ трактовать о различныхъ относящихся сюда подробностяхъ съ тою развязностію, какую усвоили себѣ въ послѣднее время нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ, и какую начинаютъ перенимать отъ нихъ—увы!—даже наши нынѣшніе молодые иноки. Да, о. Михайлъ!—только въ томъ и все различіе между нами въ этомъ пунктѣ...

2) Далѣе нашъ оппонентъ утверждаетъ, будто бы мы „обусловливаемъ святость брака *только* (?) *возможно строгимъ воздержаніемъ*“ (курсивъ о. М.).—Навязываемая намъ здѣсь мысль не только совершенно чужда нашей статьѣ, но кажется намъ прямо ни съ чѣмъ не сообразной. Пусть о. Михайлъ укажетъ мѣсто въ нашей статьѣ, гдѣ *святость* (именно *святость*) брака мы обусловливаемъ *только* (именно *только*) воздержаніемъ, по ходу мыслей оппонента, въ плотскихъ отношеніяхъ супруговъ. Вѣдь супруги могутъ жить совершенно даже чуждаясь плотской любви, однако брачная жизнь ихъ можетъ быть не только до послѣдней степени дурной, но даже—прямо подлежать соборному осужденію, а сами супруги отлученію отъ церкви, какъ это у насъ и указывается (Б. В., 417—418). Правда, мы говорили между прочимъ о необходимости въ христіанскомъ бракѣ подчиненія плотскихъ отношеній духовно-нравственнымъ пѣлямъ брака, чтобы первыя не причиняли ущерба послѣднимъ (419), о необходимости соблюденія супружескаго цѣломудрія, понимаемаго въ смыслѣ строжайшей супружеской вѣрности, возможно-строгаго воздержанія супруговъ (420) и уклоненія ихъ отъ всего пошлаго и недостойнаго человѣка и христіанина (421), о допустимости, наконецъ, плотскихъ отношеній, кромѣ всего этого, только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не идутъ во вредъ нарождающемуся потомству (422—423). Правда, все это мы говорили. Но какой же богословъ будетъ утверждать, что эти мысли не вѣрны? Съ другой стороны: намъ и на мысль не приходило, чтобы *только плотскими отношеніями*, хотя бы лишь въ такой степени допускаемыми, обусловливалась святость брака. Мы прямо отказываемся понять, какимъ образомъ могъ приписывать намъ эту мысль о. Михайлъ, послѣ того какъ мы настойчиво, на протяженіи почти 10 страницъ (407—414. 423—424)

своей статьи твердили, что въ бракѣ главное—его духовно-нравственная сторона, что онъ есть союзъ, первая и важнѣйшая цѣль котораго—взаимное содѣйствіе каждаго изъ супруговъ религіозно - нравственному усовершенствованію другого и достиженію имъ вѣчнаго спасенія, равно какъ и христіанское воспитаніе, для той же цѣли, дѣтей. — Пусть не посѣтуетъ на насъ о. Михайль, но такого приѣма въ обращеніи съ чужими мыслями намъ не случилось еще наблюдать даже и среди привыкшихъ не стѣсняться „литераторовъ“ мелкихъ уличныхъ газетъ.

3) Достойнымъ завершеніемъ всего сказаннаго противъ насъ о. Михайломъ служить третье обвиненіе, будто бы нами „утверждается, что *общеніе* (очевидно, разумѣется половое въ бракѣ) *свято, когда оно вызывается физическою необходимостію*“ (курсивъ о. М.), при чемъ смыслъ этого послѣдняго выраженія о. іеромонахъ съ развязностію истолковываетъ такъ: „*когда есть аппетитъ*“¹⁾.—Дальше этого, кажется, уже некуда идти въ извращеніи чужихъ мыслей. Уваженіе къ сану нашего оппонента вынуждаетъ насъ къ сдержанности, и потому скажемъ только, что у насъ не только нѣтъ такого и въ такомъ смыслѣ понимаемаго утвержденія, но самая возможность его исключается всѣмъ тѣмъ, что мы говоримъ о подчиненіи плотскихъ отношеній супруговъ перво-степеннымъ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ ихъ брачнаго союза и, въ частности, о допустимости ихъ лишь при условіи отсутствія вреда для нарождающагося потомства (см. подъ пункт. 2). Возможность такого утвержденія равно исключается и тѣмъ, что мы говоримъ о бракѣ не какъ средствѣ къ „потворству чувственности, а прежде всего и непременно—какъ школѣ воздержанія“ (421 стр.). Не могли мы такъ говорить и потому еще, что не считаемъ допустимымъ или по крайней мѣрѣ принятымъ въ богословской наукѣ выраженія: „*общеніе (т. е. половое) свято*“. *Бракъ святъ*—это,

1) Правда, это выраженіе у о. Михаила не свое, а взятое у г. Рыц (псевдонимъ г. Романова). Но и послѣднему такой тонъ въ сужденіяхъ о бракѣ никакимъ образомъ не можетъ быть поставленъ въ похвалу. Зачѣмъ же было переводить подобныя выраженія на страницы духовнаго журнала? да еще—кому? иноку... Правда, о. Михайль называетъ это выраженіе „циническимъ“. Но зачѣмъ же повторять циническія выраженія?...

конечно, сказать можно, по что *свято половое общеніе* мужа съ женой,—такого выраженія мы не встрѣчали ни въ Св. Писаніи, ни у отцовъ и учителей церкви, ни въ богослужебныхъ книгахъ, ни въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ отечественныхъ богослововъ. Да и вообще странно называть *святымъ* актъ, чрезъ который, по ученію Св. Писанія, передается въ людяхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію первородный *грѣхъ*. Это выраженіе введено въ употребленіе лишь нѣкоторыми изъ нашихъ публицистовъ, слѣдовать примѣру которыхъ для о. Михаила было по меньшей мѣрѣ не обязательно. Все, что можно сказать въ этомъ случаѣ, какъ кажется намъ, сводится лишь къ слѣдующему: плотскія отношенія мужа и жены допускаются и благословляются въ христіанскомъ бракѣ при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, въ виду такихъ-то и такихъ-то цѣлей, но — и только. Такъ мы лишь и позволяемъ себѣ выражаться (см. стр. 414—424). Возможно, по нашему мнѣнію, и такое выраженіе: *дѣторожденіе получаетъ въ христіанствѣ благословеніе и освященіе* (423); но это еще не то же самое, что *половое общеніе свято*. Слово освященіе относится собственно не къ акту полового общенія родителей, а къ плоду его—дѣтямъ, которыя, вслѣдъ за рожденіемъ отъ плоти, получаютъ потомъ и рожденіе отъ воды и Духа (Іоанн. 3, 5—6). Слова наши означаютъ не то, что половое общеніе въ бракѣ, если не свято, то непременно грѣховно; оно можетъ быть и не быть грѣховнымъ, что все уже было разъяснено въ нашей статьѣ. Мы просто лишь настаиваемъ на неупотребительности и неумѣстности выраженія *свято* въ приложеніи къ *половому общенію*. — Такимъ образомъ, и третьей, навязываемой намъ о. Михайломъ, мысли у насъ не только нѣтъ въ статьѣ, но даже и *не могло быть*.

Вотъ собственно и всѣ предъявляемыя противъ насъ обвиненія. Безусловная ложность ихъ настолько очевидна, что теперь невольно приходится поставить вопросъ: какъ оказались *возможными* они? Такъ искажаютъ чужія мысли или только *наитрленно*, для какой бы то ни было цѣли, наприм.—чтобы чрезъ представленіе въ нелѣпомъ видѣ чужого мнѣнія выставить въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ свое,—или *не-наитрленно*, вслѣдствіе, наприм., того, что говорящій не взялъ на себя труда внимательно прочесть то, о чемъ онъ

говорить. Перваго мы не хотѣли бы допустить. Остается предположить второе, т. е. то, что о. Михайль, увлекшись составленіемъ собственныхъ „этюдовъ“, не потрудился дать себѣ отчетъ въ томъ, что мы утверждаемъ, и *слишкомъ поспѣшилъ* съ своими обличеніями... При такихъ условіяхъ не мудрено, что „страшась“, по поводу нашей статьи, „за церковное сознаніе“, онъ оказался въ концѣ концовъ боящимся призраковъ собственнаго воображенія... Но будемъ надѣяться, что полученный въ настоящемъ случаѣ урокъ нѣсколько поубавитъ пылкости въ молодомъ инокѣ и заставитъ его впередъ быть поосмотрительнѣе въ своихъ приговорахъ.

II. Теперь позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тѣхъ взглядахъ на бракъ и брачное сожитіе, какіе раскрываетъ въ своей статьѣ самъ о. іеромонахъ Михайль. Разбирать всѣ его сужденія о бракѣ мы не имѣемъ времени, да не видимъ въ томъ и нужды. Ограничимся лишь слѣдующимъ.

Статья написана живо, по мѣстамъ прямо съ воодушевленіемъ. Хорошо раскрыто въ ней значеніе семьи—какъ домашней церкви и значеніе брака—какъ подвига любви и самоотреченія въ пользу другого. Что же касается собственно плотскихъ отношеній въ бракѣ, о которыхъ главнымъ образомъ и идетъ споръ среди нашихъ публицистовъ, то въ этомъ пунктѣ о. Михайль, по нашему мнѣнію, впадаетъ въ *односторонность* и доходитъ до утвержденій *крайняго характера*. Если бы онъ выражалъ послѣднія въ формѣ личнаго мнѣнія, о нихъ можно было бы и не говорить особо. Но такъ какъ онъ выдаетъ свои мысли за ученіе Церкви, то это уже требуетъ провѣрки.

1) Упомянутая односторонность о. Михаила, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ отрицаетъ безусловно всякое значеніе плотскихъ отношеній супруговъ *для нихъ самихъ*. То совершенно справедливо, что главнѣйшее и первостепенное значеніе такихъ отношеній заключается въ созданіи чрезъ нихъ жизни ребенка. Но заключать отсюда къ отрицанію всякаго значенія плотскаго общенія супруговъ по отношенію *лично къ нимъ самимъ* такъ же несправедливо, какъ несправедливо было бы всю цѣль духовно-нравственнаго взаимообщенія въ бракѣ полагать только въ христіан-

скомъ воспитаніи *дѣтей* и совершенно забывать объ обязанности супруговъ взаимно содѣйствовать *другъ другу* къ достиженію каждымъ возможно *личнаго* духовно-нравственнаго совершенства и вѣчнаго спасенія. Какъ въ духовной сторонѣ брачнаго общенія одна цѣль не исключаетъ другой, такъ—и въ плотской. Пусть дѣторожденіе первая и важнѣйшая цѣль плотскаго общенія супруговъ, съ которою оно должно строго и неперемѣнно согласоваться (надѣмся, теперь не нужно пояснять, что это значитъ). *Но наряду и нераздѣльно съ этимъ*, такое общеніе служитъ и удовлетвореніемъ тѣлесной потребности *самихъ супруговъ*, которымъ не дано было вмѣстить безбрачія. Иначе, что же означаютъ слова апостола: *блудодѣяннїя ради* (по р. п. „въ избѣжаніе“ блуда“) *каждо свою жену да имать, и каждая жена своего мужа да имать, или: аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. 7, 2. 9)? Иначе, какъ понимать совѣтъ апостола супругамъ не уклоняться другъ отъ друга на слишкомъ долгое время—*да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ* (5 ст.)? ¹⁾ Отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этой тѣлесной потребности. По существу дѣла оно можетъ занимать въ христіанскомъ бракѣ лишь самое скромное мѣсто, второстепенное и зависимое положеніе ²⁾. Но нельзя и вовсе отрицать и осуждать такой потребности, въ угоду ли Льву Николаевичу или еще кому,—иначе не далеко будетъ до протягиванія руки скопцамъ и тѣмъ „длжесловесникамъ“, которые были осуждены „за гнушеніе“ еще отцами Гангрскаго собора.

Ту же мысль можно подтвердить и инымъ способомъ. Если христіанская Церковь, допуская плотское общеніе супруговъ, имѣетъ въ виду, будто бы, *исключительно только* ту сторону ихъ значенія, по которой плодомъ ихъ являются

¹⁾ О. Михаилъ любитъ искать подтвержденія своихъ мыслей у разныхъ новѣйшихъ писателей, и между ними, кажется, чаще всего у г. В. В. Розанова... Между тѣмъ лучше было бы почаще повѣрять свои сужденія свидетельствами Слова Божія и свв. отцовъ и учителей Церкви.

²⁾ О мѣстѣ, какое должна занимать въ жизни человѣка эта потребность, и о должномъ отношеніи его къ ней уже было подробно сказано въ нашей статьѣ, и сейчасъ мы не видимъ надобности повторять объ этомъ.

дѣти, то какъ же смотрѣть на плотское сожитіе супруговъ. когда супруга, по какому либо физическому недостатку, который могъ быть ей и неизвѣстнымъ въ дѣвчествѣ, или вслѣдствіе какой либо излѣченной, но оставившей послѣдствія женской болѣзни, *не можетъ* сдѣлаться матерью? Она здорова и полна силъ, ибо бываютъ случаи, когда такія послѣдствія не сказываются на общемъ состояніи здоровья. Здоровъ и полонъ силъ и мужъ. Допустимъ, что такіе супруги — люди добрые и благочестивые, которые далеко не даютъ господствовать въ себѣ чувственному настроенію. Но если они все же сходятся иногда . . . что же? по теоріи о. Михаила, ихъ нужно считать *блудниками*? Обязанъ ли духовникъ такихъ супруговъ такъ прямо и сказать имъ это и потребовать, чтобы они жили какъ братъ и сестра? А если отвѣтить, что не могутъ, — тогда требовать, чтобы совсѣмъ разошлись? Такъ? — Вѣдь все это съ логической необходимостію слѣдуетъ изъ разбираемаго положенія о. Михаила. Но не связываніе ли это бременъ тяжелыхъ и неудобопосимыхъ? Церковныя ли воззрѣнія проповѣдуетъ въ этомъ случаѣ о. Михаилъ? Или, напротивъ, выступивъ на защиту христіанской истины противъ современныхъ „исправителей“ церковнаго христіанства, нашъ оппонентъ самъ, незамѣтно для себя, приобщается къ нимъ?..

2) Но это еще не все. О. іеромонахъ Михаилъ входитъ затѣмъ въ „психологію дѣторожденія“, и отъ имени Церкви требуетъ, чтобы половое общеніе супруговъ отличалось *безстрастіемъ*. „По требованію Церкви“, — говоритъ онъ, — „для брака нужно такое святое настроеніе: *conditio sine qua non*.. Человекъ долженъ побѣдить свою страстность — „*похоть*“ даже и въ моментъ зачатія ребенка, — болѣе всего въ этотъ моментъ. Онъ долженъ не смотрѣть съ вождѣленіемъ даже на собственную жену“... „Долженъ всячески стремиться къ тому, чтобы погасъ въ его взоръ навсегда огонь похотливаго желанія, желанія, которое всегда не чисто, на какую бы женщину не было направлено“. Отношенія между мужемъ и женой должны быть „отношеніями безусловно-безстрастнаго характера“ (М. О., стр. 571—572).

Не знаемъ, что скажутъ на это другіе, но мы, признаемся, не понимаемъ, какимъ образомъ возможно зачатіе ребенка при „безусловномъ безстрастіи“ супруговъ... Да и возможно

ли требовать такъ категорически отъ людей, природа которыхъ повреждена грѣхомъ, чтобы они и въ самый моментъ полового акта, „болѣе всего (курсивъ о. М.) въ этомъ моментъ“ сохраняли „безусловное безстрастіе“; иначе,—угрожаетъ молодой, но строгой инокъ,—*бракъ ихъ уже не святъ*.

По представленію о. Михаила, „въ истинномъ бракѣ единеніе (разум. половое)—*безсознательное и неожиданное (?)* завершеніе чистыхъ (Sic!) мечтаній о ребенкѣ, при чемъ въ предшествующій моментъ мысль и воображеніе *вовсе* не направляется къ этому результату“ (571).

Итакъ, въ моментъ, предшествующій половому акту, супруги находятся въ состояніи чистыхъ мечтаній о ребенкѣ, половое общеніе не приходитъ имъ и на мысль; въ слѣдующій моментъ *неожиданно* для самихъ себя и въ состояніи безусловнаго безстрастія они зачинаютъ ребенка,—вотъ до чего договаривается о. Михаилъ...

И это еще бы ничего, если бы свои руководственныя указанія супругамъ касательно совершенія полового акта о. Михаилъ давалъ въ видѣ личнаго совѣта. Но нѣтъ, все это выставляется имъ какъ для *всѣхъ обязательное и безусловное* будто бы требованіе церкви (хотя въ то же время самъ о. М. сознается, что это было бы „аскетическимъ дѣланіемъ возвышеннѣйшаго типа“—стр. 572). Такъ ли это?—Весьма желательно было бы, чтобы о. Михаилъ опредѣленными ссылками на Св. Писаніе и Св. Преданіе доказалъ, что *все*, что онъ изрекаетъ на страницахъ 571 и 572, есть дѣйствительно *непреклонное и общеобязательное* требованіе Церкви. Пока же онъ не сдѣлаетъ этого, намъ будетъ казаться, что это лишь требованія инока, вознамѣрившагося трактовать о такихъ моментахъ въ интимной жизни супруговъ, какихъ ему, по своему сану, лучше было бы не касаться въ подробностяхъ...

О. Михаилъ увлекся настолько, что воспрещаетъ мужу „смотреть съ вождѣленіемъ даже на собственную жену“. Въ такомъ смыслѣ онъ, очевидно, понимаетъ относящіяся сюда слова І. Христа (Мѡ. 5, 28). Если такъ, то это совсѣмъ уже по толстовски (неужели о. Михаилу неизвѣстно церковное толкованіе этихъ словъ?)... И зачѣмъ же все это понадобилось нашему оппоненту?—Чтобы имѣть возможность, предъявивъ къ супругамъ вышеуказанныя требованія „возвышеннѣйшаго аскетическаго типа“, побѣдно и съ торжествомъ

воскликнуть: „можетъ ли сказать Л. Н., что эти воззрѣнія Церкви не цѣликомъ проникнуты истинно - христіанскимъ настроеніемъ и духомъ“?...—Но не напрасно ли нашъ оппонентъ дѣлаетъ *такія* усилія убѣдить Л. Н-ча? Намъ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы статья о. Михаила обратила Л. Н. на путь истинный. Вѣроятноже результатъ ея будетъ такой: тѣ лица свѣтскаго общества, которыя подумаютъ, что и на самомъ дѣлѣ таковы непремѣнныя требованія Церкви отъ супруговъ, получаютъ лишь побужденіе стать въ оппозицію церковному ученію о бракѣ, станутъ лишь внимательнѣе прислушиваться къ голосамъ такихъ публицистовъ, какъ В. В. Розановъ и ему подобные.

Говоря такъ по поводу воззрѣній о. Михаила, мы вовсе не защищаемъ похотливости въ супружескихъ отношеніяхъ, и просимъ читателя помнить это. И по нашему мнѣнію супруги *должны, обязаны* бороться съ нею, о чемъ обстоятельно и негословно уже сказано было въ нашей статьѣ. Мы противъ лишь тѣхъ крайностей, въ которыя впадаетъ о. Михаилъ. Послѣдній ставитъ намъ въ упрекъ, что мы строимъ Церкви слишкомъ непрочную ограду, въ защиту отъ волковъ, силащихся проникнуть за нее (М. О., 562). Но еще хуже этого, кажется намъ, отягощать пребываніе овецъ за оградой до такой степени, что онѣ сами въ концѣ концовъ предпочтутъ устремиться вонъ со двора овчаго, лишь бы быть подальше отъ излишняго усердія пастыря...

Въ заключеніе считаемъ не бесполезнымъ сдѣлать нашему оппоненту небольшое предостереженіе. Быть можетъ, онъ и вознегодуетъ на насъ за него, но рассчитываемъ, что все-таки обратитъ и вниманіе на наши слова.

Въ послѣднее время среди нѣкоторой части нашихъ публицистовъ вошли въ моду богословскіе вопросы. Въ этомъ обстоятельствѣ, самомъ по себѣ, собственно нѣтъ ничего кромѣ отраднaго. Но нельзя не пожалѣть, что нѣкоторые непризванные богословы пустили въ оборотъ множество неясныхъ, неудобныхъ, а иногда и прямо непристойныхъ выраженій. Должны ли перенимать у нихъ эти выраженія люди, получившіе систематическое богословское образованіе? — Нѣтъ, послѣднимъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ забывать, что есть строго опредѣленный богословскій языкъ, и что не всякое фельетонное выраженіе, какъ бы бойко и цвѣ-

тисто оно ни было, умѣстно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о предметахъ нашей вѣры. Богословъ по призванію и съ надлежащей подготовкой долженъ въ этомъ отношеніи не подражать моднымъ богословствующимъ публицистамъ, а, напротивъ, ихъ самихъ приучать къ точному и выработанному богословскому языку. Между тѣмъ у іеромонаха Михаила рѣчь пестритъ странными или даже прямо съ богословской точки зрѣнія *непристойными* выраженіями, позаимствованными преимущественно у г. В. Розанова (и друг.). Таковы, наприм., выраженія: „*общеніе (половое) свято*“ (М. О. 562 ср. 568), „*половой актъ включенъ въ таинство, лежитъ въ чашѣ (!) таинства*“ (569), „*исключить изъ таинства моментъ физиологическій—значить безъ остатка выпаривать (!) таинство*“ (569) и т. п. „*Половой актъ въ чашѣ таинства*“, „*выпаривать таинство*“—неужели уже такъ хороши эти выраженія, что ихъ нужно было переносить на страницы духовной журналистики? Могу завѣрить о. Михаила, что не для одного только пишущаго эти строки прискорбно было видѣть такія выраженія изъ-подъ пера богослова...

Быть можетъ, о. Михаилу предстоитъ еще много писать по разнымъ богословскимъ вопросамъ. Способности и задатки къ такого рода труду у него есть. Посему закончимъ свою настоящую замѣтку искреннимъ пожеланіемъ, чтобы впредь нашъ почтенный оппонентъ относился нѣсколько поосторожнѣе къ чужой репутаціи и воздерживался отъ ничѣмъ не вызываемыхъ и совершенно неосновательныхъ нападеній, а затѣмъ—чтобы нѣсколько болѣе наблюдать чувство мѣры въ мысли и въ словѣ.

Михаилъ Струженцовъ.
